

Нин Яньянь облокотилась на кровать и всхлипывала.

«Почему ты плачешь? Это не тебя оскорбили и это не ты допустила ошибку».

Спокойно сказала третья госпожа Нин.

Но конечно же она не была спокойна из-за Нин Яньянь.

«Я плачу из-за того, что я втянула в это старшего брата и из-за меня его унизили», сетовала Нин Яньянь. Подумав об этом снова, ее слезы потекли с новой силой.

Лица третьей и четвертой госпожи исказились.

«Она сравнила десятого брата с проституткой. Она хочет назвать нашу семью Нин – борделем?», сказала четвертая госпожа Нин: «Кто воспитал такого ребенка? У нее такой грязный рот».

Старшая госпожа Нин сидела рядом, она не была ни сердитой, ни раздраженной. Немного нахмурившись она посмотрела на Нин Яньянь и покачала головой.

«Когда ты отправилась в город, я много раз предупреждала тебя, чтобы ты не провоцировала ее. Ее брак с нашей семьей не состоялся, поэтому она несчастна. Если она увидит тебя, то определенно попытается вывести из себя. Ты должна была избегать ее, но не послушала меня. Если бы я раньше узнала об этом, то не отпустила бы тебя», сказала она.

Услышав ворчание своей матери, крики Яньянь стали еще более пронзительными. Третья и четвертая госпожи Нин тоже забеспокоились.

«Старшая сестра, почему мы должны ее избегать?», недовольно спросила третья госпожа Нин.

«Мама, я пыталась ее избегать, но я ничего не могу поделать, если она сама провоцирует меня», сердито кричала Нин Яньянь: «Янчэн большой город, я не думала, что встречу ее. Кто бы мог подумать, что она решит гулять, когда следует готовиться к свадьбе. Я хотела избегать ее, но когда мы встретились у порога, она сознательно спровоцировала меня».

Когда она думала о том, что случилось, Нин Яньянь хотелось выть от обиды.

«Меня бесит то, что она так быстро убежала, теперь у меня репутация девушки, которая дерется на дороге», сказала она.

Четвертая госпожа Нин успокаивающе погладила ее руки.

«Дитя мое, разве ты можешь быть такой же как она?», утешала она.

«Теперь тебе запрещено выходить», сказала старшая госпожа Нин.

Третья госпожа уже поднялась со своего места.

«Нет, мы не можем позволить всему происходить именно так», сказала она: «Если семья Фан не вразумит этого ребенка, то нам следует это сделать за них».

Поэтому они и собирались отправиться в семью Фан. Нин Яньянь повеселела, а старшая

госпожа Нин нахмурилась.

«Это не хорошо, тогда нас будут воспринимать как тех, кто пытается принести неприятности во время свадьбы», сказала она.

Когда замолчал ее голос, можно было услышать доносящиеся снаружи шаги слуг.

«Госпожа, старая госпожа обо всем узнала. Она приказала снарядить коляску в Янчэн», с тревогой сказали они.

Сестры сразу запаниковали.

«Кто рассказал ей?»

«Скорее остановите ее».

«Кто сможет остановить старую госпожу?»

«Быстрее найди старых мастеров и позови их».

Все в комнате были шокированы, а старшая госпожа поспешно ушла. Нин Яньнянь осталась в комнате, но она больше не плакала.

Бабушка была одной из самых влиятельных мадам в Янчэн. Когда она услышала, что ее внука сравнили с проституткой, было бы очень странно, если бы она не попыталась уничтожить людей, которые посмели сказать подобное.

Если бабушку что-то волновало, то это был повод для беспокойства отца и дяди. Кроме того, такие оскорбления говорила какая-то ничтожная девчонка. Никто не поверит, что семья Нин оставит это без внимания.

Теперь приглашение было доставлено прямо к входной двери семьи Фан. Давайте просто посмотрим, что они с этим будут делать.

Нин Яньнянь немного закашлялась, она наблюдала за старой госпожой Нин в то время, как из двора раздался мужской голос.

«Мама, тетя, куда вы так спешите?»

Это заставило Нин Яньнянь подняться и броситься к окну. Через стекло она увидела, как во двор зашел молодой человек.

Молодой человек нес плащ. На нем была серо-зеленая мантия, которая демонстрировала его тонкое тело, подчеркивала его талию и плечи. У него были красивые черты лица. Когда он вошел, госпожа улыбнулась. Солнечный свет делал его еще более ослепительным.

«Старший брат!», заорала Нин Яньнянь. У госпожи значительно улучшилось настроение.

«Почему ты вернулся?»

«Почему ты ничего не сказал?»

«Ты один? А где вторая сестра и остальные?»

Вопросы посыпались со всех сторон.

Нин Яньян схватила Нин Юньчжао за рукав и расплакалась.

«Старший брат, я тебя подвела», всхлипывала она.

Нин Юньчжао улыбнулся и погладил ее по голове.

Третья госпожа и четвертая госпожа о чем-то задумались.

«Юньчжао, иди и отдохни для начала. У нас есть дело, о котором нужно позаботиться, мы скоро вернемся», сказали они, взглянув на старшую госпожу Нин.

Нин Юньчжао только что вернулся домой, поэтому они не должны дать ему узнать о некоторых вещах. Было бы лучше, если бы он просто пошел спать.

Старшая госпожа Нин все поняла, она улыбнулась и кивнула.

«Поторопись, только дайте Юньчжао минутку поприветствовать дядю», сказал она.

Нин Юньчжао улыбнулся.

«Третья тетя, четвертая тетя, вы должны пойти к бабушке», сказал он.

Третья госпожа и четвертая госпожа все еще думали, как скрыть от него все новости. Нин Юньчжао снова улыбнулся.

«Я приехал сюда вместе с одиннадцатым, и мы уже уговорили бабушку никуда не ехать. Он сейчас вместе с бабушкой играет в маджонг», сказал он: «Вы тоже должны пойти с ней и немного поиграть».

Одиннадцатый благородный сын Нин – второй сын дяди Юньчжао.

Услышав эти слова, они были потрясены.

«Юньчжао, ты уже знаешь о том, что случилось?», спросила старшая госпожа Нин.

Юньчжао улыбнулся и кивнул.

«Я уже слышал, в городе многие говорят об этом, а потом я услышал, как это обсуждают и в нашем доме».

Нин Яньян посмотрела на его лицо и заплакала.

.....

В комнате царила мрачная атмосфера. На лице старшей госпожи Нин было написано беспокойство, а третья и четвертая были в гневе. Нин Яньян стояла рядом с Нин Юньчжао и иногда вытирала слезы.

Нин Юньчжао слышал как это обсуждали на улице. Очевидно, об этом уже знал весь Янчэн.

Нин Юньчжао всегда был очень популярен в Янчэн. Теперь, когда его оскорбили, это определенно станет главной темой для разговоров в городе.

«Я слышал о том, как люди говорят, что мисс Цзюнь вымогала серебро у нашей семьи», спокойно сказал Нин Юньчжао.

По сравнению с другими людьми, тот, кого сравнили с проституткой, держался позиции зрителя во всей этой ситуации.

«Она вымогала», сердито сказала Нин Яньянь: «Она отказывается это признавать».

«Да, как и сказала Яньянь, она действительно говорила о том, что наша семья должна ей и теперь она хочет взять плату, которая предназначалась ее деду от нашего старого мастера», сказала третья госпожа холодно улынувшись: «Это все ерунда. Она зря это сказала. Не говори мне, что думаешь, что ей кто-то поверит».

Старшая госпожа Нин вздохнула, но ничего не сказала.

«Неважно правда это или вымысел, мы больше не должны об этом говорить», сказал Нин Юньчжао.

Люди в комнате были ошеломлены.

«Старший брат, но это не мы допустили ошибку, не мы», выпалила Нин Яньянь.

Она чувствовала себя несчастной, когда говорила это. Старший брат запрещает им говорить об этой девушке, потому что хочет ее защитить?

Нин Юньчжао рассмеялся.

«Эта не та ситуация где важно кто виноват, а кто нет», сказал он: «В конце концов это никого не заботит, всем интересен я».

Люди в комнате снова затихли, но в следующий момент разразились гневом.

Верно, это оскорбление Цзюнь Чжэньчжэнь...Десятый благородный сын Нин популярен очень долго, значит слухи о его оскорблении так скоро не прекратятся.

В конце концов для масс безразлично кто прав, а кто нет. Им интересней наблюдать за людьми, попавшими в неприятности.

Теперь, когда кто-то будет говорить о том, как Чжэньчжэнь вымогала у семьи Нин пять тысяч таэлей, первое, о чем они вспомнят, и не важно правда это или нет, будет то, что это цена десятого благородного сына Нин.

Когда они подумали об этом, то уже увидели смеющиеся лица толпы.

Третья госпожа Нин уже хотела опрокинуть стол.

Когда они стали распространять этот слух, они хотели унижить Цзюнь Чжэньчжэнь. Они не думали, что все это обернется унижением для них.

Именно они пустили этот слух в городе, но теперь они не знали как его остановить.

Это было....

Это было тем, чего они совершенно не ожидали.

Старшая госпожа Нин крепко сжимала чашку чая.

«Нет, мы не можем просто так все это оставить», встала третья госпожа Нин: «Оскорбление никогда не было выходом из ситуации, тем более такое грубое. Если мы оставим все так, то что будут думать о семье Нин. Я пойду в семью Фан и поинтересуюсь, как они собираются ее воспитывать».

Нин Яньянь энергично закивала.

Нин Юньчжао закашлялся.

«Третья тетя, тебе не стоит ходить», сказал он.

Почему он хотел остановить ее?

Нин Яньянь прикусила губу и посмотрела на него.

Опять? Он опять пытается защитить Цзюнь Чжэньчжэнь?

«Тетя, это ссора между девушками, взрослые не должны вмешиваться».

Голос Нин Юньчжао был хриплым, но мягким.

«Значит ты именно это сказал бабушке», сказала она.

«Мама, бабушка уже стара, но она не сумасшедшая», сказал Нин Яньянь: «Не стоит усиливать столь ничтожную ссору, было и так сказано уже слишком много грубостей».

Третья госпожа Нин покачала головой.

«Это уже не спор детей, это касается семьи Нин, касается всех нас...», сказала она.

Она сказала такую пошлость, какую позволяют себе говорить только маленькие мальчики. Четвертая госпожа Нин волновалась, но казалось, что Нин Юньчжао происходящее совершенно не заботит: «Тетя, послушай то, что я должен вам сказать», сказал он. Его голос звучал нежно, он не был нетерпелив, тети и сестра молча его слушали.